«БОГЕМНОСТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ФРИДРИХСХАГЕНСКОГО КРУГА

Е. А. Мелех

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: MelekhE@bsu.by*

Рассмотрена специфика социально-культурного явления «богема» в жизни поэтов Фридрихсхагенского круга. На конкретных примерах показано, как «беспечный, беспорядочный образ жизни» формирует «богемные» черты в творчестве таких поэтов, как Р. Демель, Д. фон Лилиенкрон и К. Хенкель.

Ключевые слова: «богема»; индивидуализм; провокативность; Фридрихсхагенский круг поэтов; Демель; Лилиенкрон; Хенкель.

Исследователи часто отмечают богемный образ жизни участников Фридрихсхагенского круга поэтов (*Friedrichshagener Dichterkreis*) – объединения литераторов-натуралистов, сформировавшегося в конце 1880-х годов в пригороде Берлина – Фридрихсхагене. Отправной точкой образования объединения стал побег главных теоретиков литературной оппозиции, какой считали себя в то время натуралисты – Бруно Вилле (*Bruno Wille*, 1860–1928) и Вильгельм Бёльше (*Wilhelm Bölsche*, 1861–1939), – из шумного мегаполиса в небольшой городок на берегу озера Мюгельзее. Удивительно, что с переездом в спокойное место за городом поэты смогли сохранить городскую «богемность».

Фридрихсхагенский круг поэтов привлекал внимание многих исследователей с разных точек зрения. Особый «богемный» уклад жизни поэтов отмечают, например, Г. де Бройн, Р. Кауффельд и Г. Цепл-Кауфманн и др. Но никто из исследователей не прибегает к детальному анализу влияния такого фактора, как «богемность» на творчество молодых поэтов.

Само понятие «богема» до сих пор не имеет четкой дефиниции, так как оно совмещает в себе разнородные и часто несовместимые понятия. Разнородность объясняется еще и тем фактом, что в истории научных исследований «богема» фокус всегда ставился на определенный временной отрезок и конкретный регион, а не на явление в целом [1, с. 101].

Разные проявления «богемности» собраны в исследовании Х. Кройцера «Богема» (*Die Boheme*, 1968). Согласно его определению, «богема» представляет собой «субкультуру интеллектуалов ..., маргинальные группы с преимущественно литературной, художественной или музыкальной деятельностью и склонностью к антибуржуазным взглядам и поведению» [2,

S. 5]. В ассоциативном ряду с «богемой» часто стоит материальное неблагополучие. Однако, как утверждает Х. Кройцер, «не бедность является решающим фактором для дефиниции представителя богемы, а определенный, намеренно небуржуазный стиль жизни ... в сочетании с антибуржуазными воззрениями» [2, S. 43]. Таким образом, феномен «богемы» в широком смысле связывается в первую очередь с социально-исторической категорией, а не эстетической.

Нас, однако, интересует «богема» в более узком смысле – литературная «богема», а точнее – «богемная» литература, что значит, литература, написанная «богемными» литераторами. Такие произведения являются правдивыми документами соответствующего образа жизни и несут в себе черты «богемности» [1, с. 104].

Таким образом, в нашем исследовании под «богемностью» подразумеваются особые черты в творчестве поэтов, относящихся к литературной «богеме».

Какие именно характеристики произведения можно считать «богемными»? Проанализировав работу Х. Кройцера, мы собрали основные критерии «богемности», которые могут быть выявлены в литературных произведениях. Во-первых, это особое отношение художников слова к современному обществу, а именно его критика и неприятие общественных норм. При этом автор находится в явной оппозиции ко всему обыденному.

Во-вторых, своеобразная провокативность творчества. Часто она находит отражение в выборе тем или героев, которые могут вызвать резонанс в обществе. Носителями действия становятся больной, алкоголик, проститутка [2, S. 52].

И, в-третьих, программный индивидуализм: «Определяющей чертой типичных установок и поведения богемы в общем является программный индивидуализм, который, с осознанным желанием к отступлению от правил как такового и без боязни провокативного эффекта (а часто и стремлением к нему), освобождается от конвенционального образа жизни и эстетического, материального и политического осуждения; кроме того, представляет теоретическую и практическую оппозицию денежной экономике и оценочной шкале, направленной на экономические и материальные блага, властям и возможностям в социальной жизни» [2, S. 48].

Данные характеристики, однако, не позволяют говорить о существовании единого стиля «богемы» в творчестве литераторов, «богемность» в литературе – это скорее отражение в творчестве индивидуального и не поддающегося рамкам. Кроме того, «богемность» не может являться единственным определяющим признаком. Например, лирика поэтов Фридрих-

схагенского круга, наряду с «богемностью», определяется особой перспективой на большой город, социальной направленностью, мягким отходом от натурализма, стремлением к его преодолению, частичным неоромантизмом и др.

Свидетелем «богемного» Фридрихсхагена стал молодой театральным критик Юлиус Баб (*Julius Bab*, 1880–1955), который в 1904 году издал книгу «Die Berliner Boheme» («Берлинская богема»), документирующую данное явление в Берлине и окрестностях. В разделе под названием «Фридрихсхаген» Ю. Баб называет объединение поэтов «особенной констелляцией богемы», так как впервые разгульному образу жизни, так называемой «цыганщине», нашлось место среди умиротворенных ландшафтов природы [3, S. 40].

Такое определение объясняется тем, что традиционно «богема» считается городским явлением, а типичный её представитель изображается как завсегдатай клубов и ночных кафе. Но стремление берлинских натуралистов воссоединиться с природой и сбежать из большого города, сохранив при этом старые привычки, привело к необычному явлению в истории литературных объединений – колонии поэтов, художников и активистов, ведущих «богемный» образ жизни на фоне крестьянских домов, лугов и лесов.

Одним из «настоящих» представителей «богемы» по словам Ю. Баба¹ является Рихард Демель (*Richard Dehmel*, 1863–1920). Его первый сборник стихотворений «Erlösungen» («Избавления», 1891) проникнут непринужденным индивидуализмом, эротизмом, пьяной веселостью и противостоянием общепринятым нормам.

Так, например, в одном из первых стихотворений сборника «Fehdebrief» («Письмо вражды») лирический герой Р. Демеля с определенной долей агрессии объявляет о своей вражде обывателям и, тем самым, состоящему из них обществу: «Ich hasse dieses Mittelstraßenleben, / ich will nicht eure wohlgemeinten Reden, / ich passe nicht in euer Alltagsstreben, / ich will das Glück nicht, das da feil für Jeden!» (Я ненавижу эту уличную жизнь меж улиц, / я не желаю ваших благонамеренных речей, / мне не подходят ваши повседневные стремления, / я не хочу то счастье, что доступно каждому! – курсив авторский, здесь и далее подстрочный перевод – Е. М.) [4, S. 5].

Уже в первых четырех строках называется причина бескомпромиссной вражды: ненависть к среднестатистической жизни без высшей цели и

¹ Выбор рассматриваемых авторов, кроме прочего, базируется на непосредственных указаниях на «богемность» в образе жизни поэтов, сделанных Ю. Бабом.

стремления преобразовать мир или общество. Через повторение в каждой новой строке личного местоимения *я* и формы *вы/ваш* выстраивается четкое отмежевание индивидуума и общества, гения и филистера, что позволяет говорить о присутствии в данном стихотворении черт неоромантизма. Недовольство общественным устройством также отсылает нас к направлению социальной лирики [см. 5].

Поэт обвиняет противоположную сторону в недостаточно чувственном познании мира, в то время как сам он давно создал свой собственный мир. Такая квинтэссенция индивидуализма с подчеркнутым противопоставлением филистерству выражается в строке: «*Ich habe eine Welt in meinen Sinnen, / die Ihr nicht ahnt mit euern Biedergeistern!*» («Я обладаю целым миром в моих чувствах, / о котором вы не догадываетесь своим обывательским духом») [4, S. 5].

Интересно, что такое весомое и агрессивное содержание находит выражение в довольно посредственной, типичной форме: стихотворение содержит четыре строфы по четыре строки со смежной и перекрестной рифмовкой. На уровне формальной организации стихотворения заметно лишь курсивное выделение автором ключевых слов (*hasse – passe; will*).

Другое настроение мы видим в творчестве близкого друга Р. Демеля – Детлева фон Лилиенкрона (*Detlev von Liliencron*, 1844–1909), которого Ю. Баб называет «представителем богемы с головы до пят» [3, S. 62]. В его эксплицитно «богемном» стихотворении «*Anakreontisches Liedel*» («Анакреонтическая песенка») собраны все правила жизни настоящего «богемца». Первое из них гласит: «*Immer bleibst du, wer du bist; / Nimm das Leben, wie es ist*» («Всегда оставайся тем, кто ты есть; / бери жизнь такой, какова она есть») [6, S. 99]. Второе призывает к жизни в моменте и использованию представившихся шансов без раздумий над моральными нормами: «*Wo du Rosen siehst im Garten, Brich sie, laß sie nimmer warten*» («Где видишь розы ты в саду, / ломай их, не давай им ждать») [6, S. 99].

Неотъемлемым компонентом «богемной» жизни является алкоголь. Его значение литераторы объясняли их стремлением сбежать от социальной нужды с целью полного воплощения свободы индивидуального «Я», ведь именно алкоголь освобождает от всех ненавистных свободному духу повседневных забот [3, S. 65]. Так, третье правило Лилиенкрона звучит следующим образом: «*Trinke in der Freundeskette, / Trink mit ihnen um die Wette, / Trinke bis ans Morgenrot, / Trinke bis an deinen Tod*» («Пей в кругу своих друзей, / пей с ними на спор, / пей до рассвета, / пей до смерти») [6, S. 99].

Автор признает, что представленные принципы не самые изящные, но в то же время они абсолютно правильны, так как тот, кто их не соблюдает,

«остается дураком» и сразу «отправится в ад», ведь «небо остается закрытым» для тех, кто не наслаждался жизнью на земле («Mag getrost zur Hölle gehn – / Denn der Himmel bleibt verschlossen / Allen denen, die auf Erden / Unbefriedigt Asche werden») [6, S. 99].

Стихотворение имеет кольцевую структуру: оно заканчивается повторением первых двух строк и тем самым подчеркивает главную идею жизни «богемца» – оставаться верным себе и принимать жизнь со всеми ее пороками.

Показательным примером произведения на табуированную в обществе тему является стихотворение Карла Хенкеля (*Karl Henckell*, 1864–1929) «Die Dirne» («Проститутка»), которое и на сегодняшний момент кажется провокативным как с содержательной, так и с формальной точки зрения. В нем К. Хенкель, выросший в протестантской семье, освобождается от традиционных воззрений на жизнь и исследует душевное состояние человека, работающего в общественно порицаемой сфере.

Так, нам представляется сумбурный, наполненный истеричной тревогой монолог женщины, который, формально состоящий из коротких строк и напевных повторений, напоминает песню («Bin ja, bin ja nur / Eine alte Hur'»; «Я есть, я есть лишь / старая блудница» [7, S. 43]). В ней уже престарелая проститутка пытается привлечь клиентов, указывая не на свою красоту или сексуальность, а на тот факт, что человек – это лишь животное, и ему не стоит стыдиться своей сущности: «Habt mich für Geld. / Kenne auf der Welt / Keine Scham – / Ein Tier!» («Возьмите меня за деньги. / Не знай в этом мире / Стыда – / Животное!») [7, S. 43].

Далее женщина словно оправдывается и напоминает, что она тоже была ребенком, таким же чистым и непорочным «как и вы», читала молитвы, пела и плясала. Вспомнив о том, как подруги плели ей девичий венок с фиалковой шелковой лентой, она глубоко погружается в свое сознание, в потоке которого прорываются резкие, осудительные фразы («Häßliche, alte Hur'», «Gehorsamer Diener!»; «Страшная, старая блудница», «Послушный слуга!» [7, S. 43]), обращение к богу, диалог с матерью и наказ молиться.

К концу стихотворения рассудок женщины совсем теряется и вместо разборчивых слов молитвы из ее уст раздаются не идентифицируемые звукоподражания: «Heiße, heiße, hopsassa! / La la la ... / Hopsassa!» [7, S. 44]. Внезапно ей становится плохо: оказывается, что виной всему является голод. Именно недостаток хлеба привел её к жизни проститутки, о чем она неизменно сожалеет, выражая это в заключительной фразе: «O läg'ich tot...!» («О если бы была я мертвой!») [7, S. 44].

Данное стихотворение кроме шокирующей темы проституции, к которой поэты не обращались до натуралистского постулата об эстетизации повседневности, имеет социальную направленность и раскрывает бессилие человека перед внешними условиями жизни.

Таким образом, «богемный» образ жизни поэтов Фридрихсхагенского круга находит свое отражение в их творчестве. «Богемность» в литературе определяют такие черты, как программный индивидуализм, намеренная провокативность и противостояние общественным нормам. В поэзии рассмотренных нами поэтов имеют место все названные критерии. Они проявляются в виде призывов к гедонизму, обращения к табуированным темам, агрессивной оппозицией лирического «Я» и общества. «Богемность» в литературе, однако, не является единственной определяющей характеристикой произведения и часто выявляется наряду с другими художественными особенностями.

Библиографические ссылки

1. Колер Г.-Б. Формы і функцыі «багемы» ў беларускай літаратурнай сістэме // Acta Albaruthenica. 2011. Вып. 11. С. 100–116.
2. Kreuzer H. Die Bohme: Beiträge zu ihrer Beschreibung ; Stuttgart : J.B. Metzler, 1968.
3. Bab J. Die Berliner Boheme ; Hrsg. M. Schardt. Hamburg : Literatur & Wissenschaft, 2014.
4. Dehmel R. Erlösungen. Eine Seelwandlung in Gedichten und Sprüchen ; Hrsg. M. Holzinger. B. : Berliner Ausgabe, 2014.
5. Мелех Е. А. Социальная лирика Рихарда Демеля как доминантная составляющая творчества Фридрихсхагенского круга поэтов // Juventus in litteratura: Материалы 76-й научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов БГУ / редкол. : А. М. Бутырчик [и др.]. Минск : РИВШ, 2019. С. 89–94.
6. Liliencron D. Gute Nacht ; Hrsg. M. Holzinger. B. : Berliner Ausgabe, 2014.
7. Henkel K. Buch des Kampfes ; Hrsg. M. Holzinger. B. : Berliner Ausgabe, 2013.